

6. СОЦИОЛИНГВИСТИКА

К ОПИСАНИЮ ДИНАМИКИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В СООБЩЕСТВЕ РОССИЙСКИХ СААМОВ

Честнов Никита Васильевич

студент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», НИУ ВШЭ (Москва)
nvchestnov@gmail.com

1. Введение

В настоящей работе представлены промежуточные результаты исследования языковой ситуации Мурманской области в отношении саамских идиомов⁶⁶.

По определению Н. Б. Вахтина, языковая ситуация – это «совокупность форм существования одного языка или совокупность нескольких языков в их социальном и функциональном взаимодействии в пределах определенных территорий: регионов или административно-политических образований» [Вахтин, Головкин 2004: 47]. Следует сразу оговориться, что мы заинтересованы не всеми языками и языковыми вариантами, распространенными на территории Мурманской области, а прежде всего саамскими идиомами; иными словами, мы изучаем один из аспектов языковой ситуации в регионе, а именно особенности существования саамских языковых вариантов на территории Мурманской области внутри одной этнической группы – саами (т. е. изучаем языковую ситуацию не «где», а «у кого»). Отчасти это вызвано практическими причинами, отчасти тем, что языковая ситуация в коми-ижемском сообществе уже была изучена ранее [Влахов 2012], в то время как витальность русского ни у кого ни

⁶⁶ При подготовке статьи использовались материалы, собранные в ходе полевой работы в 2019–2020 гг. в рамках проектов, поддержанных программой «Открываем Россию заново» Фонда образовательных инноваций НИУ ВШЭ.

вызывает сомнений – по данным переписи населения 2010 г., 99,8% саамов в Российской Федерации владеют русским языком⁶⁷.

Целью работы является изучение динамики языковой ситуации в саамском сообществе Мурманской области.

Актуальность настоящего исследования состоит в том, что все саамские идиомы, распространенные в России⁶⁸, находятся под угрозой исчезновения [Шеллер 2010], в то время как их языковая ситуация мало описана.

Научная новизна работы состоит в методе исследования (глубинное интервью). Основное исследование на эту тему [Шеллер 2010] носит количественный характер. Данная работа является попыткой проверить его результаты с помощью качественного исследования.

2. Саамские идиомы в России

В литературе принято выделять около десяти основных саамских идиомов (англ. Sámi, также встречается написание Sami и Saami), вместе образующих диалектный континуум на территории Фенноскандии, т. е. территории Швеции, Норвегии, Финляндии и Мурманской области Российской Федерации. В настоящее время в западной традиции их принято считать отдельными языками со своими диалектами (см., например, [Sammallahti 1998: 5–38]), поскольку шесть из десяти основных саамских идиомов (южносаамский, луле-саамский, северносаамский, инари-саамский, колтта-саамский и кильдинский саамский)⁶⁹ обладают собственной стандартизированной письменностью [Sammallahti 1998: 1–2]. В советской же традиции и «по наследству» в российской, основные саамские идиомы считаются диалектами (группами диалектов) единого саамского языка, также обладающими

67 Об этом см. раздел 2.1. настоящей работы.

68 За исключением северносаамского, который является *lingua franca*, используемым саамами из разных стран для общения между собой.

69 Здесь и далее в этой главе идиомы перечисляются с запада на восток.

вариативностью (см., например, [Керт 1971: 6–7; Зайков 1987: 13–17; Терешкин 2002: 21–22]). Ранее саамские идиомы было принято называть лопарскими и объединять в языки в зависимости от страны проживания носителей, т. е. *Norwegian Lapp*, *Swedish Lapp*, *Finnish Lapp* и *Russian Lapp*⁷⁰. Кроме того, важно заметить, что подавляющее большинство российских саами, с кем посчастливилось работать автору настоящих строк, используют термины отечественной традиции, т. е. на вопрос «на каком диалекте Вы говорите?» чаще всего отвечают «кильдинский диалект саамского языка». Во избежание терминологической путаницы⁷¹ в тексте настоящей работы не проводится разграничения между языком и диалектом и используется нейтральный термин «идиом».

Саамские идиомы принадлежат к финно-угорской группе уральской языковой семьи и подразделяются на западные и восточные. Западные саамские идиомы в свою очередь делятся на северные (пите-саамский, луле-саамский и северносаамский, i. e. *Pite Sámi*, *Lule Sámi* и *North Sámi*) и южные (южносаамский и уме-саамский, *South Sámi* и *Ume Sámi* соответственно) [Sammallahti 1998: 7–26]. Восточные саамские идиомы делятся на материковые (*Mainland*) и полуостровные (*Peninsular*). К материковым относят инари-саамский, колтта-саамский и аккала-саамский (*Inari Sámi*, *Skolt Sámi* и *Akkala Sámi* соответственно) [Sammallahti 1998: 26–32]; в отечественной литературе варианты колтта-саамского и аккала-саамского известны как «нотозерский диалект саамского языка» [Керт 1971] и «бабинский диалект саамского языка» соответственно [Зайков 1987]). К полуостровным относят кильдинский саамский (*Kildin*) и тер-саамский (терский саамский, *Ter*; прежде всего известен его вариант, называемый «йоканьгский диалект саамского языка» [Керт 1961a, 1971; Терешкин 2002])

70 Важно заметить, что такие термины, как *Lapp*, лопарский и т. п., носят пейоративный оттенок и могут восприниматься представителями саамской культуры как оскорбление.

71 О непоследовательности в разделении саамских идиомов на языки и диалекты на примере уме-саамского см. [Siegl 2017: 6–15].

[Sammallahti 1998: 32–34]. Полуостровные идиомы также называют кольским саамским [Кузьменко, Рисслер 2012] (или кольско-саамским [Шеллер 2010], или языком Кольских саами [Вахтин 2016: 7] и т. п.; см. далее по поводу Russian Lapp). Но и этот термин не употребляется последовательно: иногда его (англ. Kola Sámi) используют как современную замену термина Russian Lapp, т. е. также относят к нему варианты колтта-саамского и аккала-саамского, (ранее) распространенные в России, на территории Кольского полуострова, понимая Кольский полуостров как синоним Мурманской области [Rießler, Wilbur 2007; Шеллер 2010; Rießler 2013].

Настоящая работа не ставит своей целью выявить диалектные различия в современных саамских идиомах России (это заслуживает отдельного исследования) и ограничивается вопросами, связанными с language attitude (забегая вперед, можно, например, заметить, что, по сообщениям некоторых информантов, в 1960-х и нач. 1970-х гг. некоторые ловозерские саами смеялись над диалектными особенностями варзинских, чудзьаврских и т. д. саами, переселенных советской властью в Ловозеро, и избегали общения с ними). К сожалению, ввиду ограниченности полученной выборки речь будет преимущественно идти о кильдинском идиоме. Автор искренне надеется, что в ходе дальнейшего исследования вопроса выборка будет расширена носителями других саамских идиомов.

3. К описанию языкового сдвига в сообществе российских саамов

Основную часть настоящей работы можно условно поделить на три раздела: вначале для наглядности рассматриваются данные переписей, дающие возможность понять, что имеет место ситуация катастрофического языкового сдвига (вытеснения саамских идиомов русским во всех сферах употребления), далее вниманию читателя будет представлен обзор существующей литературы на тему языковой ситуации в сообществе российских саамов и, наконец, собственные наблюдения и выводы автора, сопровождаемые цитатами из интервью.

3.1. Данные переписей

Перед тем, как начать обсуждать данные переписей, следует принять во внимание факт их непригодности для оценки и прогнозирования динамики языковой ситуации. На это есть несколько причин, кратко обсудим некоторые из них.

Во-первых, не совпадают объект переписи и объект исследования языковой ситуации: перепись населения призвана предоставить общую демографическую «картину» государства, что приводит к большим обобщениям, в то время как для понимания языковой ситуации по какому-либо идиому в целом зачастую требуется по отдельности понимать языковую ситуацию в каждом населенном пункте, где этот идиом употребляется [Вахтин 2001: 85–87].

Во-вторых, большие неудобства вызывают использование в переписях термина «родной язык» и факт того, что переписчики не проверяли языковую компетентность респондентов (что попросту не являлось задачей переписи), т. е. принимали их ответы о «свободном владении» каким-либо языком на веру. Несостоятельность термина «родной язык» заключается в том, что он может использоваться в значениях «титульный язык», т. е. язык этноса респондента, «материнский язык», т. е. язык, усвоенный от матери, «основной язык устного общения» и т. д.; очевидно, что переписчики и респонденты могли понимать под этим термином совершенно разное [Вахтин 2001: 78–83]. В конечном итоге названные проблемы (использование термина «родной язык» и отсутствие диагностики языковой компетентности) приводят к тому, что данные переписей не всегда отражают реальную картину: «Данные, полученные с опорой на понятие (и термин) “родной язык”, не могут быть использованы для оценки реального уровня владения титульными языками среди НС <народов Севера>, поскольку мотивации называния титульного или русского языка родным зависят от большого числа разных факторов. Сопоставимые данные по другим районам показывают, что между ответами о “владении языком” и “признании языка родным” не существует однозначной корреляции» [Вахтин 2001: 88].

В-третьих, не стоит забывать о влиянии государственной идеологии: результаты переписи могут быть искажены государством с целью выдачи желаемого за действительное. Наглядным примером являются переписи 1937 и 1939 гг. [Вахтин 2001: 44–46].

Тем не менее, использование результатов переписей населения может быть полезным для рассмотрения в первом приближении динамики языковой ситуации идиома на определенной территории при отсутствии специальных исследований, посвященных этой теме. В любом случае использовать данные переписей нужно с осторожностью. В таблице 1 представлены результаты всесоюзных и всероссийских переписей по этносу саамы (в более ранних переписях «лопари») с 1926 г. по 2010 г., за исключением переписей 1930-х гг.

Таблица 1⁷²

Данные переписей

год	общая численность	считают родным (%)			свободно владеют как вторым (%)		
		саамский	русский	другой	саамским	русским	другим
1926 ⁷³	1717	97,3	1,0	1,6			
1959	1792	69,9	28,6	1,5			
1970	1836	56,3	43,6	0,1	8,8	53,5	0,2
1979	1888	53,0	46,2	0,7	7,1	49,7	2,8
1989	1835	42,0	56,8	1,2	7,0	40,8	2,2
2002 ⁷⁴	1991						
2010	1771 ⁷⁵	16,7	82,8	0,5			

Как можно заметить, налицо постепенное вытеснение титульного языка русским: согласно результатам переписей, начиная с 1970 г. более 95% опрошенных владеют русским (при

72 См. [Перепись 1926, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010].

73 О Северной переписи и переписях 1930-х гг. см. [Вахтин 2001: 36–47].

74 Согласно данным переписи 2002 г., из 1769 саамов, проживающих на территории Мурманской области, 568 указали, что владеют саамским, 1766 — русским, 161 — другими языками.

75 99,8% ответили, что владеют русским.

этом в 2002 г. число саамов, владеющих русским, достигает 99,8%), в то время как число саамов, владеющих своим титульным языком, неуклонно снижается.

3.2. Обзор литературы о языковой ситуации в сообществе российских саамов

Тема языковой ситуации среди носителей саамских идиомов в России затрагивается в нескольких публикациях, однако исследована недостаточно подробно.

Статья Элизабет Шеллер [Шеллер 2010] посвящена языковой ситуации саамских идиомов в России и их ревитализации. Автор кратко описывает опыт языковой ревитализации в Скандинавии и проблемы, возникшие при попытке его применения в России, дает примерную оценку языковой ситуации, отталкиваясь от результатов переписи 2002 г. и результатов собственных полевых исследований. В 2005–2010 гг. участниками проекта “Kola Saami Documentation Project” (далее – KSDP)⁷⁶ было проведено масштабное исследование российских саамских идиомов, прежде всего, как следует из названия проекта, направленное на их документирование.

Явным преимуществом исследования Э. Шеллер является использование таких методов, как анкетирование и интервью, главным недостатком статьи стоит признать тот факт, что предоставленные данные неточны («около 800 человек в России», «менее чем 100 из 800 людей», «не более половины тех 20-ти человек», etc.) и, к сожалению, скорее всего устарели. Тем не менее, это единственная работа по России, не основывающаяся на данных переписей, где приводятся какие-либо цифры (число носителей, их возраст) по идиомам (см. таблицу 2).

76 Описание KSDP см., например, в [Rießler, Wilbur 2007], также см. <http://saami.uni-freiburg.de/ksdp/> и <https://dobes.mpi.nl/projects/sami/>. Из авторов работ, рассматриваемых в настоящем разделе, в проекте KSDP кроме Элизабет Шеллер также участвовали Михаэль Рисслер [Rießler, Wilbur 2007] и Анна Афанасьева [Afanasieva 2013: 1].

Таблица 2

Количество носителей саамских языков в России⁷⁷

язык	знания языка (любые)	потенциальные носители языка	активные носители языка
кильдинский	< 700	> 200	< 100
северосаамский	> 100	?	> 1
иокангский	< 20	< 10	1–2
скольтсаамский	< 20	< 10	–
бабинский	2 (?)	1 (?)	–

Э. Шеллер утверждает, что с марта 2007 г. по август 2008 г. «было собрано 1105 заполненных анкет» [Шеллер 2010: 18]. Сами вопросы из анкеты не приводятся. Далее Э. Шеллер замечает: «Более подробный анализ результатов анкетного исследования автор данной статьи представит в диссертации, в которой более детально будет описываться и анализироваться ситуация саамских языков в России и будут обсуждены возможности для ревитализации кильдинского языка – кольско-саамского языка с наилучшими перспективами на будущее» [там же]. К сожалению, насколько нам известно, указанная диссертация еще не была опубликована, но Э. Шеллер также принадлежат публикации “Samisk språkrevitalisering i Ryssland – möjligheter och utmaningar” [Scheller 2011] и “Kola Sami language revitalization – opportunities and challenges” [Scheller 2013], по сути своей являющиеся автопереводами статьи [Шеллер 2010] на норвежский и английский с некоторыми дополнениями. Статью [Scheller 2013] следует признать наиболее полным описанием и логическим продолжением статьи [Шеллер 2010].

Полезным дополнением к работе Э. Шеллер являются работы Анны Афанасьевой [Afanasyeva 2013, 2018] и Лукаса Аллеманна [Allemann 2013, 2017, 2018, 2019, 2020; Allemann, Dudeck 2017], опирающиеся на полевые данные и являющиеся антропологическими исследованиями, многие из которых

77 Цит. по [Шеллер 2010: 20]. Орфография автора сохранена.

посвящены ловозерским школам-интернатам и переселениям саамов в советское время. Роль А. Афанасьевой как исследователя примечательна тем, что она, в отличие от остальных авторов, упомянутых ранее, является представителем саамского народа и утверждает, что владеет кильдинским и употребляла его в интервью при общении с пожилыми информантами⁷⁸ [Afanasyeva 2013: 10; Afanasyeva 2018: 56–65].

Работа А. Афанасьевой [Afanasyeva 2013] посвящена переселениям саамов в советское время. Этой же теме посвящена диссертация Л. Аллеманна [Allemann 2020], выполненная на большем полевом материале с бóльшим числом информантов и мест полевой работы. Эти два текста взаимно дополняют друг друга, поскольку исследования проведены с разных точек зрения. Общую таблицу по переселениям можно найти в [Afanasyeva 2013: 31], ее дополненную версию в [Allemann 2020: 125].

Как можно заметить по данным из указанных выше таблиц, большинство саамского населения Мурманской области было переселено в с. Ловозеро. Из этого следует, что с 1960 г. большинство саамских детей училось в Ловозере, в национальной школе-интернате и во вспомогательной школе-интернате. Теме обучения саамов в школах-интернатах посвящены следующие работы: [Allemann, Dudeck 2017; Afanasyeva 2018⁷⁹; Allemann 2018, 2019].

78 Более того, А. Афанасьева относится к известному саамскому роду и является родственницей некоторых саамских культурных, языковых и политических активистов.

79 Явным преимуществом диссертации [Afanasyeva 2018] является тот факт, что автор уделяет особое внимание «языковой ассимиляции» [Afanasyeva 2018: 16], что отражается в используемой автором анкете (interview guide) [Afanasyeva 2018: 360–361], поэтому тема языкового сдвига обсуждается практически в каждой главе диссертации.

3.3. Исследование динамики языковой ситуации

3.3.1. Основные возможные предпосылки к конфликтам внутри саамского языкового сообщества и последующему языковому сдвигу

Обобщив материал предыдущего раздела и личные наблюдения автора, можно выделить следующие возможные предпосылки языкового сдвига.

1) В результате переселений и других проявлений государственной политики саамы стали этническим меньшинством в поселениях, куда их переселили и где они жили впоследствии. Иными словами, все поселения, где саамские идиомы были языком большинства, были ликвидированы. Об этом см., например, [Afanasyeva 2013].

2) Саамы, говорившие на разных идиомах, были вынуждены использовать русский как *lingua franca* как для общения между собой, так и для общения с представителями других этносов.

3) Довольно долгое время образовательная политика в ловозерской национальной школе-интернате была ориентирована на замену саамского русским практически во всех сферах употребления как у учеников, так и у их родителей. Впрочем после этого саамский на некоторое время стал обязательным предметом для изучения в школе.

4) После переселений среди саамов возросло количество межэтнических браков, где детям, под влиянием действующей образовательной политики, обычно передавался русский язык⁸⁰.

5) С изменением политического климата в конце XX в. стало активно развиваться сотрудничество кольских саамов с саамами Финляндии, Норвегии и Швеции, что сделало северносаамский престижнее кильдинского на территории Кольского полуострова⁸¹.

80 См. [Козлов и др. 2008]. Также см., например, [Allemann 2017: 10–12; Allemann 2020: 160–172].

81 См., например, [Scheller 2013: 409–410].

6) В 1980-х гг. внутри саамской интеллигенции разгорелся конфликт, в результате которого были введены и стали использоваться несколько взаимоисключающих форм саамской кириллической письменности; этот конфликт не разрешен до сих пор. В частности, это проявляется в том, что практически все словари кильдинского используют разные орфографические системы. По этическим причинам мы не можем предоставить здесь описание конфликта, однако его описание в книге “Bridging Divides: Ethno-political Leadership among the Russian Sámi” [Overland, Berg-Nordlie 2012: 63–68] достаточно подробно, точно и подтверждается нашими полевыми наблюдениями. К сожалению, эта книга малоизвестна среди лингвистов, изучающих кильдинский. Также на эту тему см. [Rießler 2013: 202–206; Scheller 2013: 406–407].

7) Со временем качество преподавания кильдинского стало снижаться.

8) Давление окружения: ношение саамской одежды было непрестижно, таких детей могли дразнить «лопарями».

9) В большинстве профессий рабочим языком был русский. Даже в оленеводческих колхозах саамский сначала был вытеснен коми, а затем на их место пришел русский. Также стоит заметить, что многие виды досуга тоже ассоциировались с русским языком.

3.3.2. Метод сбора материала. Информанты

Изначально настоящее исследование планировалось провести в полевых условиях с марта по май 2020 г., что с изменением эпидемиологической ситуации стало невозможно. Предвидев такое развитие событий, мы постарались организовать работу в дистанционном формате⁸², воспользовавшись нашими связями с саамским сообществом. К сожалению, нам не удалось найти больше, чем 10

⁸² Одним из неприятных последствий такого формата работы является тот факт, что обычно между информантом и исследователем нет визуального контакта, т. е. исследователю труднее распознавать эмоции, испытываемые информантом при обсуждении того или иного вопроса.

информантов для такого формата работы, что объясняется несколькими причинами: во-первых, некоторые пожилые информанты не пользуются Интернетом⁸³; во-вторых, многие люди среднего и младшего поколений к такому формату работы отнеслись подозрительно. Это сильно повлияло на выборку: подавляющее большинство информантов являются людьми старшего поколения⁸⁴; мы постарались компенсировать это, задавая информантам вопросы об их детях, внуках и других родственниках.

Основным методом исследования является глубинное интервью, интервью проводились с помощью заранее подготовленной анкеты (interview guide), но стоит подчеркнуть, что многие из проведенных интервью следует скорее отнести к классу свободных, а не структурированных⁸⁵. В ходе интервью с информантами обсуждались следующие темы:

- 1) личная биография информанта: год и место рождения, места проживания (сейчас и ранее), образование, опыт работы, семья⁸⁶;

- 2) языки: какой язык информант считает родным, какими языками владеет;

- 3) сферы употребления (domains) кильдинского и других языков⁸⁷: на каком языке информанты говорили в детстве в

83 В частности, интервью с информантом 10 пришлось брать по телефону.

84 Изначально мы надеялись опросить представителей всех групп внутри российского саамского сообщества, включая (но не ограничиваясь) представителей младших, среднего и старших поколений, саамских языковых и культурных активистов, саамов, практикующих традиционные саамские промыслы (например, оленеводство) и т. д. Отчасти нам это удалось: хоть мы и не смогли опросить представителей всех поколений, среди наших информантов есть саамские языковые и культурные активисты, а также люди, ранее занимавшиеся оленеводством, саамским традиционным рукоделием и преподаванием саамского языка в школе.

85 Иными словами, большинство проведенных интервью представляют собой беседы двух людей (исследователя и информанта), знакомых лично.

86 Отдельно обсуждались смешанные браки.

семье, в школе, со сверстниками и т. д.⁸⁸; какой язык используют (использовали ранее) на работе, в общении с друзьями, в общении с супругами, детьми, другими членами семьи и т. д.;

4) language attitude и смежные вопросы: мнения, стереотипы информантов о саамских / русском / коми языках, культуре, стереотипы других людей; обязательно ли быть носителем саамского языка, чтобы считать себя представителем саамской культуры, нужно ли детей учить саамскому языку⁸⁹.

Все интервью брались с устного согласия информантов с гарантией, что полные транскрипты интервью не будут опубликованы, и с гарантией анонимности⁹⁰. Список информантов представлен в таблице 3. Ввиду небольшого числа информантов их год и место рождения и предыдущий опыт работы не приводятся в целях сохранения анонимности. Большая часть (10 из 12-ти информантов) интервью проводилась дистанционно, что нуждается в пояснении. Поскольку запланированную на апрель-май поездку в Мурманскую область пришлось отменить в связи с изменением эпидемиологической

87 К сожалению, нам не удалось найти информантов, для которых первым языком являются не кильдинский или русский. Информант 3 (первый язык — русский; у всех остальных информантов первый язык — кильдинский), наиболее молодой из опрошенных информантов, не считает себя компетентным носителем кильдинского, но утверждает, что свободно владеет северносаамским. Тем не менее, стоит заметить, что информант 3 обладает пассивным знанием кильдинского.

88 Например, на улице или в магазине.

89 Также уточнялось, передают ли информанты кильдинский своим детям, внукам и т. д.

90 Интервью записывались лишь после того, как информант предоставил на это устное согласие. Мы придерживаемся точки зрения, что письменное оформление согласия со стороны информанта на участие в исследовании подрывает доверие информанта к исследователю, что негативно влияет на качество материала. Об этом см., например, [Allemann, Dudeck 2017: 8–9]. По этой причине мы не запрашивали письменные согласия информантов ни при очных интервью, ни при интервью, организуемых в дистанционном формате, довольствуясь устным согласием.

ситуации, в дополнение к интервью, проведенным дистанционно в мае 2020 г., в настоящей работе также рассматриваются интервью, взятые у двух саамских активистов (информанты 11 и 12) очно в марте 2020 г. в студенческой экспедиции НИУ ВШЭ «Этноязыковой ландшафт Русского Севера: экспедиция в Республику Карелия и Мурманскую область» под руководством А. В. Влахова в рамках проекта «Открываем Россию заново».

Интервью у информанта 12 брали участницы экспедиции Мария Лапина и Дарья Олейник⁹¹; у информанта 11 было взято несколько интервью⁹²: первое интервью брали автор настоящей работы (Никита Честнов) и Алексей Рыжков, последующие интервью брал автор настоящей работы. Интервью с информантами 1–10 автор проводил самостоятельно, средняя длительность таких интервью составляет 1 час. Интервью с информантами 1 и 8 проводились дважды. Суммарная длительность записей интервью с информантами 1–11 составляет 16 часов.

Таблица 3

Список информантов

шифр	пол	род занятий	место проживания	тип интервью
1	Ж	пенсионерка	Ловозеро	заочное
2	Ж	пенсионерка	Ловозеро	заочное
3 ⁹³	М	журналист	Ловозеро	заочное
4	Ж	пенсионерка	Оленегорск	заочное
5	М	экскаваторщик	Ловозеро	заочное

91 Автор выражает искреннюю признательность Марии и Дарье за предоставленный транскрипт интервью и согласие на его использование в настоящей работе.

92 Изначально планировалось взять одно интервью, но затем было принято решение провести несколько дополнительных интервью, так как стало ясно, что все последующие интервью скорее всего придется проводить заочно.

93 Информанты 1, 2 и 3 являются родственниками. Информант 2 отвечал на вопросы интервью в присутствии информанта 1.

шифр	пол	род занятий	место проживания	тип интервью
6	Ж	пенсионерка	Ловозеро	заочное
7	Ж	пенсионерка	Ловозеро	заочное
8	Ж	пенсионерка	Ловозеро	заочное
9	М	сотрудник НКЦ	Ловозеро	заочное
10	М	пенсионер	Ловозеро	заочное
11	Ж	пенсионерка	Мурманск	очное
12	Ж	пенсионерка	Мурманск	очное ⁹⁴

Основными недостатками являются несбалансированность выборки по возрасту (средний возраст составляет 61 год, возрастной диапазон – от 44 до 82 лет; в выборке не представлены люди моложе 40 лет), географическая ограниченность и факт того, что многие из информантов являются языковыми активистами. Все эти недостатки автор надеется исправить в ходе дальнейшего исследования вопроса путем расширения выборки. Иными словами, приводимые в настоящей работе результаты исследования носят промежуточный характер. Чтобы сгладить упомянутые недостатки, автор также будет использовать наблюдения из полевой работы 2019 г.

3.3.3. Анализ материалов интервью

Переселения

К началу XX в. кильдинский был доминирующим идиомом в следующих поселениях («сыййт», «погостах»): Кильдин, Воронье, Семиостровье и Варзино; также употреблялся в Ловозере. Г. М. Керт в 1960 г. выделял териберский, вороньинский, пулозерский, ловозерский и варзинский говоры кильдинского [Керт 1961б]. Примечательно, что в 1971 г. в своей более поздней публикации Г. М. Керт уже

94 Интервью проводили Дарья Олейник и Мария Лапина. Автор настоящей работы выражает искреннюю признательность Дарье и Марии за предоставленный транскрипт интервью.

говорит о «кильдинском диалекте в поселках Воронье, Ловозеро, Варзино» [Керт 1971: 7].

В 1938 г. Семиостровье закрыли, его жителей переместили в Варзино. В 1935 г. Кильдин был закрыт, всё его население мигрировало южнее, основав Чудзьявр. Чудзьявр также был поселением, где доминирующим идиомом был кильдинский: в селе жило 6 русских людей, все они владели кильдинским, поскольку являлись этническим меньшинством. К началу 1960-х гг. Чудзьявр также был закрыт, его население переместили в Ловозеро:

«Когда нас перевезли сюда [Ловозеро], вроде мы [чудзьяврские и ловозерские саамы] одной национальности, дистанция 50 км, нас здесь очень плохо приняли, всё время презирали, что мы, вот, чудзьяврские, беднота-нищета и т. п., даже пацанами и то общались только со своими. <...> Это уже в 70-х, как десять лет прошло, потише стало, нас не очень презирали» (Информант 10).

Похожая история у Вороньего и Варзина: русские там составляли этническое меньшинство и поэтому все владели кильдинским⁹⁵; в 1967 г. Воронье закрыли, в 1969 г. – Варзино, население Вороньего и Варзина переместили в Ловозеро.

«В 69-ом <...> не такой уже пресс на нас чудзьяврских был. После нас вороньинских, варзинских соединили, в общем, они тоже под этот пресс попадали. <...> Варзинские в 68-ом приехали. Они уже под ударом были, понимаешь? Мы были первые, в 61-ом, ворончане были в 63–64-ом, они попадали под удар, в 68-ом уже варзинские были. <...> Хрущёв начал трамбовать, при Брежневке закончили. В 76-ом Поной переселили сюда» (Информант 10).

Таким образом, начиная с 1960 г. большинство носителей кильдинского стали переселять в Ловозеро. Некоторые информанты утверждают об уничижительном отношении местного населения (как со стороны коми-ижемцев, так и со

95 Информант 8, информант 11.

стороны русских) к переселенцам и к кильдинскому в тот период⁹⁶.

Образовательная политика

Напомним, что в это же время меняется государственная образовательная политика.

«– Я слышал, что в интернате запрещали говорить по-саамски...

– Вы знаете, запрещали не только в интернате по-саамски говорить. Это тогда было не только у нас, у саамов, похоже это было у всех малочисленных народов Севера. <...> Запрещали говорить не только в интернате, это было и у нас в посёлке, и в других населённых пунктах наверняка то же самое происходило, потому как... это всё было направлено на то, чтобы мы как можно быстрее научились говорить по-русски. Задача такая была. Потому как, когда я пошла в школу, в моей деревне пошла, я жила в деревне Воронье, это была саамская деревня, естественно все говорили на саамском языке. Были русские семьи, но их дети тоже говорили на саамском языке с нами. Поэтому когда мы в школу пошли, у нас конечно же были большие трудности с русским языком. И да, были просьбы от наших педагогов... они к нашим родителям обращались, просили их говорить с нами по-русски, потому что мы плохо знали русский» (Информант 4).

Некоторые информанты, учащиеся в ловозерской школе-интернате в 1960-е гг. (информанты 4, 5, 7, 8), утверждают, что им запрещали говорить по-саамски, якобы с целью более легкого усвоения русского языка. Информанты 1 и 2 это отрицают⁹⁷. Информант 6, напротив, подтверждает это. Информанты 8 и 11 утверждают, что это была инициатива

96 Например, информант 4 в детстве перестала носить бурки, потому что боялась, что ее будут дразнить «лопаркой». Информант 10 отмечает, что жилье переселенцам предоставляли не сразу, они «жили как цыгане».

97 Тут важно обратить внимание, что информант 1 ранее преподавал саамский язык в этой школе, а информант 2 является родственником информанта 1 и отвечал на вопросы интервью в присутствии информанта 1.

директора интерната. Информанты 4 и 9 утверждают, что учителя просили родителей дома говорить по-русски с той же мотивацией. В этом отношении любопытно наблюдение информанта 4 о ситуации в Лопарской:

«У моей крёстной, она меня на 8 лет старше, жила в Лопарской, почему-то так всё было построено: когда она приходила со школы домой, переходили на русский язык. Когда её не было, разговаривали на саамском языке. Поэтому старшая сестра, на 10 лет старше её, говорила, хорошо знала саамский язык, а младшая сестра – нет. Почему-то у них ещё и раньше в деревне потерялся саамский язык. Видимо потому, что саамских семей там было мало» (Информант 4).

Насколько нам известно, официального запрета не было, но был негласный. Также в начале 1960-х гг. была открыта вспомогательная школа-интернат (т. н. «дебилка»⁹⁸). По утверждению информантов 6 и 10, многие саамы скрывали свою этническую принадлежность, боясь попасть в эту школу.

К сожалению, нам затруднительно обсуждать образовательную политику в отношении кильдинского после 1970 г., когда кильдинский стал обязательной частью программы, так как недостаточно полевых данных: информанты 6 и 12, учащиеся в это время, дают прямо противоположные оценки качества преподавания кильдинского. Возможной причиной этому является тот факт, что они занимают разные позиции в споре о саамской письменности. В любом случае оба этих информанта обладают более слабым знанием кильдинского, чем информанты 1, 2, 4, 5, 7–11. Но важно заметить, что в 1970-х гг., по утверждению информанта 6, использование кильдинского в ловозерской национальной школе-интернате не на уроках кильдинского было запрещено. Кильдинский саамский перестали преподавать в школе в 2004 г., с тех пор преподаванием саамского занимались исключительно языковые активисты. В 2020 г. информанты 6 и 11 организовали преподавание кильдинского онлайн. Информанты 6, 11 и 12

98 Информант 10.

утверждают, что в Ловозере есть языковой активист, преподающий кильдинский детям на дому.

Сферы употребления кильдинского

По утверждению подавляющего большинства информантов⁹⁹, их языком работы был (и остается) русский, в том числе в колхозах и совхозах.

«Если я на работе одна саамская женщина сижу, с кем мне говорить? Хотя знаете, была одна интересная история... Когда я работала секретарём, я с женщинами обменивалась саамскими словами, объясняла им, и они, когда у меня был день рожденья, они какое-то время спрашивали разные слова, и они составили мне поздравление на саамском языке. Это было очень приятно» (Информант 8).

«Я тогда разнорабочий был. Утром приходишь, в 8 часов, там был завхоз. Вот там и отправлял, куда там: дрова пилить возле конторы двухручкой... Смотря какой напарник: если он говорит по-саамски – говорим по-саамски, если он коми – по-русски говорим. Если отправляют меня в гараж там, грузчиком, которые все русские или коми – по-русски говорим, если местные, местных было раз-два и обчёлся, – то по-своему. <...> В основном уже по-русски говорили» (Информант 10).

В 1960-е гг. кильдинский еще можно было услышать на улице и в магазине, но он уже тогда стал идиомом, который употребляют «только при своих», т. е. при отсутствии носителей других идиомов (в противном случае использовался русский, а употребление кильдинского расценивалось как нарушение этикета).

«Смешанные бригады были, поэтому по-русски надо было говорить. Потому что неприлично: если кто-то не понимает, а я буду на своём говорить, то это равносильно я про кого-то гадости буду говорить. Элементарно неприлично» (Информант 10).

⁹⁹ Исключением является информант 5, использовавший кильдинский в оленеводстве с 1985 по 1995 гг.

Кильдинский в семье. Смешанные браки

Начиная с 1960-х гг. кильдинский во многих семьях сменяется русским, особенно в семьях, основывающихся на межэтнических браках, которых в саамском сообществе тогда было большинство¹⁰⁰. Однако передача кильдинского детям нарушена не полностью: информант 9 учит своих детей кильдинскому с рождения¹⁰¹, информанты 8 и 6 учат своих внуков кильдинскому в меру своих возможностей. Но такие случаи слабо распространены: информанты 1, 2, 3, 4¹⁰², 5¹⁰³ и 7 использовали в общении с детьми русский, о чем теперь жалеют.

«— Когда у меня родился сын, я пытался с ним говорить только по-саамски. Когда он в садик пошёл, <...> он большую часть времени находился в среде русскоязычных воспитателей и детей. Он перешёл быстро на русский язык.

— Но Вы с ним после этого продолжали по-саамски говорить?

— Да, я и сейчас говорю с ним, он какие-то слова понимает. Дети есть дети, если у него сейчас нет желания общаться, то он и не будет говорить. Когда есть желание, может что-то сказать на саамском» (Информант 9).

«Русский для нас был как иностранный. <...> Когда переселились из Воронья, мы уже немного говорили, я четыре класса закончила. <...> А теперь ситуация другая. Теперь для наших внуков, для наших детей саамский язык как иностранный. Они его должны теперь учить, потому что они рождаются с русским языком» (Информант 8).

100 Об этом см. [Козлов и др. 2008]. Информант 4 утверждает, что из шести ее сестер лишь две вышли замуж за саамов.

101 Информант 9 говорил с сыном исключительно на кильдинском до тех пор, пока тому не исполнилось четыре года и тот не пошел в детский сад, где он (сын) перешел на русский. Теперь они общаются и на русском, и на кильдинском.

102 Информант 4 общалась со своим внуком исключительно на кильдинском, пока его семья не уехала, когда ему было четыре года.

103 Информант 5 пытался учить своих детей кильдинскому, но те над ним смеялись.

4. Заключение

Таким образом, предпосылки языкового сдвига, определенные в разделе 2.3.1., были подтверждены на полевом материале. Можно заключить, что в наше время кильдинский вытеснен русским почти во всех сферах употребления (domains), за исключением домашнего общения в некоторых семьях и символического употребления кильдинского при языковом активизме.

Практически все информанты соглашались в оценке, что носителей кильдинского становится меньше. По их мнению, основными причинами этому являются переселения¹⁰⁴, межэтнические браки¹⁰⁵, высокая смертность мужского населения, переселенного в Ловозеро в 1960-е гг., в частности из-за алкоголизма¹⁰⁶, низкое качество современного преподавания кильдинского¹⁰⁷ и др.

К сожалению, мы не располагаем полевыми данными по таким идиомам, как тер-саамский (йоканьгский), коллта-саамский (нотозерский) и аккала-саамский (бабинский), поэтому вынуждены опираться на работы [Шеллер 2010; Scheller 2013; Afanasyeva 2013, 2018; Allemann 2020]. В целом, мы согласны с оценками Э. Шеллер [Шеллер 2010] и признаем нотозерский вариант коллта-саамского, тер-саамский и аккала-саамский умирающими (moribund) идиомами. В отношении кильдинского

104 Информанты 1, 4, 6.

105 Информанты 2, 3, 7, 10. В этом отношении любопытна сказка, рассказываемая информантом 10 его племянницам (информант 10 не женат и бездетен) о саамской Уточке Анне и ее детях, вступающих в смешанные браки. Уточка Анна отсеклась от своей старшей и от своей средней дочери, потому что те ее ослушались, «загуляли», их «общипали хохлы», и у них родились «утята-хохлята». Анна стала возлагать надежды на свою младшую дочь, Гадкого Утёнка, за которой ухаживал «саамский богатырь Ляйне», умеющий говорить и по-русски, и «по коми», и «по-лопарски», и «даже по-французски». Сказка обладает неожиданной концовкой: Гадкий Утёнок рождает «не утёнка-лопарёнка, а молдаванина!», за что Анна проклинает всех своих внуков.

106 Информанты 6, 10 («многие спились»). На эту тему см. [Козлов и др. 2008].

107 Информанты 3, 10.

мы признаем оценку Э. Шеллер справедливой (более 200 потенциальных носителей, около 100 активных по состоянию на 2010 г.), однако боимся, что за прошедшие 10 лет число носителей кильдинского только снизилось.

Нам удалось, однако, установить, что передача кильдинского детям нарушена не полностью, что опровергает высказывания, выдвинутые другими исследователями. Нам также удалось установить, что кильдинский не преподается в школе, но преподается языковыми активистами в Ловозере (детям) и в Мурманске (взрослым).

Литература

1. Вахтин, Н. Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 338 с.
2. Вахтин, Н. Б. Языки Сибири и Севера. Материалы к учебнику. – СПб.: Нестор-История, 2016. – 48 с.
3. Вахтин, Н. Б., Головкин, Е. В. Социолингвистика и социология языка: Учебное пособие. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
4. Влахов, А. В. Языковая ситуация в коми-ижемском сообществе Мурманской области и его языковая политика: Выпускная квалификационная работа магистра лингвистики. – СПбГУ, 2012. – 55 с.
5. Зайков, П. М. Бабинский диалект саамского языка (фонологоморфологическое исследование). – Петрозаводск: Карелия, 1987. – 201 с.
6. Керт, Г. М. Образцы саамской речи. Материалы по языку и фольклору саамов Кольского полуострова (кильдинский и йоканьгский диалекты). – М.: Наука, 1961. – 216 с.
7. Керт, Г. М. Основные сходства и различия в саамских диалектах Кольского полуострова // Прибалтийско-финское языкознание: к 70-летию со дня рождения Д. В. Бубриха. – Л., 1961. – С. 110–134.
8. Керт, Г. М. Саамский язык (кильдинский диалект): фонетика, морфология, синтаксис. – Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1971. – 354 с.

9. Козлов, А. И., Лисицын, Д. В., Козлова, М. А., Богоявленский, Д. Д., Боринская, С. А., Варшавер, Е. А., Вершубская, Г. Г., Кальина, Н. Р., Лапицкая, Е. М., Санина, Е. Д. Кольские саамы в меняющемся мире / Под ред. А. И. Козлова, Д. В. Лисицына, М. А. Козловой. – М.: Институт наследия, ИЛ «АрктАн-С», 2008.

10. Кузьменко, Ю. К., Рисслер М. К вопросу о твердых, мягких и полумягких согласных в кольском саамском // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований.* – 2012. – Т. VIII. – Ч. I. – С. 21–42.

11. Перепись 1926 – Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 9: РСФСР. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – М.: ЦСУ, 1929.

12. Перепись 1959 – Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР: Сводный том. – М.: Госстатиздат, 1962.

13. Перепись 1970 – Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 4: Национальный состав населения СССР. – М.: Статистика, 1973.

14. Перепись 1979 – Всесоюзная перепись населения 1979 года. – М.: Финансы и статистика, 1979.

15. Перепись 1989 – Всесоюзная перепись населения 1989 года // *Вестник статистики.* – 1990. – № 10.

16. Перепись 2002 – Итоги Всероссийской переписи населения. [<http://www.perepis2002.ru/index.html>] (дата последнего обращения: 20.11.2020).

17. Перепись 2010 – Итоги Всероссийской переписи населения. [https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm] (дата последнего обращения: 20.11.2020).

18. Терешкин, С. Н. Йоканьгский диалект саамского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002. – 145 с.

19. Шеллер, Э. Ситуация саамских языков в России // *Наука и бизнес на Мурмане.* – 2010. – № 2. – С. 15–27.

20. Afanasyeva, A. Forced Relocations of the Kola Sámi People: Background and Consequences. Master thesis. – Tromsø: University of Tromsø, 2013. – 82 p.

21. Afanasyeva, A. Boarding School Education of the Sami People in Soviet Union (1935–1989): Experiences of Three Generations. Doctoral thesis. – Tromsø: University of Tromsø, 2018. – 373 p.
22. Alleman, L. The Sami of the Kola Peninsula: About the Life of an Ethnic Minority in the Soviet Union. – Tromsø: Septentrio Academic Publishing, 2013. – 151 p.
23. Allemann, L. Yesterday's Memories, Today's Discourses: The Struggle of the Russian Sámi to Construct a Meaningful Past // *Arctic Anthropology*. – 2017. – Vol. 54. – Pp. 1–21.
24. Allemann, L. 'I Do Not Know If Mum Knew What Was Going on': Social Reproduction in Boarding Schools in Soviet Lapland // *Acta Borealia*. – 2018. – Vol. 35. – Pp. 1–28.
25. Allemann, L. The Perspective of Former Pupils: Indigenous Children and Boarding Schools on the Kola Peninsula, 1960s to 1980s // *Sámi Educational History in a Comparative International Perspective* / Kortekangas O., Keskitalo P., Nyysönen J., Kotljarchuk A., Paksuniemi M., Sjögren D. (eds.). – Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2019. – Pp. 83–104.
26. Allemann, L. The Experience of Displacement and Social Engineering in Kola Saami Oral Histories // *Acta electronica Universitatis Lapponiensis*. – 2020. – 288. – 324 p.
27. Allemann, L., Dudeck, S. Sharing Oral History with Arctic Indigenous Communities: Ethical Implications of Bringing Back Research Results // *Qualitative Inquiry*. – 2017. – Vol. 25. – Pp. 1–17.
28. Overland, I., Berg-Nordlie, M. Bridging Divides: Ethno-Political Leadership among the Russian Sami. – New York, Oxford: Berghahn Books, 2012.
29. Rießler, M. Towards a digital infrastructure for Kildin Saami // *Sustaining Indigenous Knowledge: Learning Tools and Community Initiatives for Preserving Endangered Languages and Local Cultural Heritage* / Kasten E., T. de Graaf (eds.). – Fürstenberg: Kulturstiftung Sibirien, 2013. – Pp. 195–218.
30. Rießler, M., Wilbur J. Documenting the endangered Kola Saami languages // [Bull T. / Kusmenko J. (Hg)]: *Språk og språkforhold i Sapmi*. – Berlin: Nordeuropa-Institut, 2007. – Pp. 39–82.

31. Sammallahti, P. The Saami Languages. An Introduction. – Karasjok: Davvi Girji, 1998. – 268 p.
32. Scheller, E. Samisk språkrevitalisering i Ryssland – möjligheter och utmaningar // Norsk og finsk-ugrisk språkkontakt i Norge. NOA: norsk som andrespråk 1–2011. – Universitetet i Tromsø, 2011. – Pp. 86–118.
33. Scheller, E. Kola Sami Language Revitalisation – Opportunities and Challenges // L’Image Du Sápmi II: Études Comparées / Textes Réunis Par Kajsa Andersson, 16. Humanistica Oerebroensia. Artes et Linguae. Örebro: Örebro University, 2013. – Pp. 392–421.
34. Siegl, F. Ume Saami – The Forgotten Language // Études finno-ougriennes [En ligne]. – 2017. – Voul. 48.

Резюме

В статье представлены промежуточные результаты полевого исследования языковой ситуации в сообществе российских саамов. В отношении кильдинского саамского установлено, что имеет место ситуация катастрофического языкового сдвига и вытеснения кильдинского русским во всех сферах употребления языка. Кильдинский остается языком домашнего общения в некоторых семьях, где его передача не была нарушена в 1970-е гг. или была нарушена не полностью. Исследование проводилось с помощью метода глубинного интервью, автор работы намерен продолжить исследование этой темы в дальнейшем.

Ключевые слова: саамский язык, языковая ситуация, языковой сдвиг, кильдинский язык, кильдинский диалект саамского языка

TOWARDS A DESCRIPTION OF LANGUAGE SITUATION DYNAMICS IN THE RUSSIAN SÁMI COMMUNITY

Chestnov Nikita

student, National Research University
Higher School of Economics, NRU HSE (Moscow)
nvchestnov@gmail.com

Summary

The paper presents preliminary results of a field study of Russian Sámi language situation. The findings in regards to Kildin Sámi point out that catastrophic language shift has taken place and Russian has gradually replaced Kildin in most domains. Kildin Sámi remains a language used in family gatherings in some families, particularly those where Kildin language transmission has not stopped in the 1970s. The main research method of the study is in-depth sociolinguistic interview. The author plans to conduct a follow-up study in the future. морфемы.

Keywords: Kildin Sámi, language situation, language shift, Kola Sámi

References

1. Afanasyeva, A. Forced Relocations of the Kola Sámi People: Background and Consequences. Master thesis. – Tromsø: University of Tromsø, 2013. – 82 p.
2. Afanasyeva, A. Boarding School Education of the Sami People in Soviet Union (1935–1989): Experiences of Three Generations. Doctoral thesis. – Tromsø: University of Tromsø, 2018. – 373 p.
3. Alleman, L. The Sami of the Kola Peninsula: About the Life of an Ethnic Minority in the Soviet Union. – Tromsø: Septentrio Academic Publishing, 2013. – 151 p.
4. Allemann, L. Yesterday's Memories, Today's Discourses: The Struggle of the Russian Sámi to Construct a Meaningful Past // Arctic Anthropology. – 2017. – Vol. 54. – Pp. 1–21.
5. Allemann, L. 'I Do Not Know If Mum Knew What Was Going on': Social Reproduction in Boarding Schools in Soviet Lapland // Acta Borealia. – 2018. – Vol. 35. – Pp. 1–28.

6. Allemann, L. The Perspective of Former Pupils: Indigenous Children and Boarding Schools on the Kola Peninsula, 1960s to 1980s // *Sámi Educational History in a Comparative International Perspective* / Kortekangas O., Keskitalo P., Nyssönen J., Kotljarchuk A., Paksuniemi M., Sjögren D. (eds.). – Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2019. – Pp. 83–104.

7. Allemann, L. The Experience of Displacement and Social Engineering in Kola Saami Oral Histories // *Acta electronica Universitatis Lapponiensis*. – 2020. – 288. – 324 p.

8. Allemann, L., Dudeck S. Sharing Oral History with Arctic Indigenous Communities: Ethical Implications of Bringing Back Research Results // *Qualitative Inquiry*. – 2017. – Vol. 25. – Pp. 1–17.

9. Kert, G. M. Obraztsy saamskoi rechi. Materialy po yazyku i folkloru saamov Kol'skogo poluostrova (kil'dinskii i iokangskii dialekty) [*Sámi Speech Samples. Kola Sámi Language and Folklore Materials (Kildin and Yokanga dialects)*]. – M.: Nauka, 1961. – 216 p.

10. Kert, G. M. Osnovnye skhodstva i razlichiya v saamskikh dialektakh Kol'skogo poluostrova [*The Main Similarities and Differences of Kola Sámi Dialects*] // *Pribaltiisko-finskoe yazykoznanie*. – L., 1961. – Pp. 110–134.

11. Kert, G. M. Saamskii yazyk (kil'dinskii dialekt): fonetika, morfologiya, sintaksis [*Sámi (Kildin dialect): phonetics, morphology, syntax*]. – L.: Nauka: Leningradskoe otdelenie, 1971. – 354 p.

12. Kozlov, A.I., Lisitsyn, D.V., Kozlova, M.A., Bogoyavlenskij, D.D., Borinskaya, S.A., Varshaver, E.A., Vershubskaya, G. G., Kal'yina, N.R., Lapitskaya, E. M., Sanina, E.D. Kol'skie saamy v menyayushchemsya mire [*Kola Sámi People in the Changing World*] / Pod red. Kozlova A.I., Lisitsyna D.V., Kozlovoi M.A. – M.: Institut naslediya, IL “ArktAn-S”, 2008.

13. Kuz'menko, Yu. K., Rissler, M. K voprosu o tverdykh, myagkikh i polumyagkikh soglasnykh v kol'skom saamskom [*The question of Palatal, Palatalized and Unpalatalized consonants in Kola Sámi*] // *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. – 2012. – T. VIII. Ch. I. – Pp. 21–42.

14. Overland, I., Berg-Nordlie, M. Bridging Divides: Ethno-Political Leadership among the Russian Sami. – New York, Oxford: Berghahn Books, 2012.

15. Perepis' 1926 – Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda [Soviet National Census of 1926]. T. 9: RSFSR. Narodnost'. Rodnoi yazyk. Vozrast. Gramotnost'. – M.: TsSU, 1929.
16. Perepis' 1959 – Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1959 goda. SSSR: Svodnyi tom [The Results of Soviet National Census of 1959]. – M.: Gosstatizdat, 1962.
17. Perepis' 1970 – Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1970 goda [The Results of Soviet National Census of 1970]. T. 4: Natsionalnyi sostav naseleniya SSSR. – M.: Statistika, 1973.
18. Perepis' 1979 – Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1979 goda [Soviet National Census of 1979]. – M.: Finansy i statistika, 1979.
19. Perepis' 1989 – Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda [Soviet National Census of 1989] // Vestnik statistiki. – 1990. – № 10.
20. Perepis' 2002 – Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya (elektronnyi resurs) [The Results of Russian National Census of 2002 (online source)]. [<http://www.perepis2002.ru/index.html>] (last visited on 20.11.2020).
21. Perepis' 2010 – Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya (elektronnyi resurs) [The Results of Russian National Census of 2010 (online source)]. [https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm] (last visited on 20.11.2020).
22. Rießler, M. Towards a digital infrastructure for Kildin Saami // Sustaining Indigenous Knowledge: Learning Tools and Community Initiatives for Preserving Endangered Languages and Local Cultural Heritage / Kasten E., T. de Graaf (eds.). – Fürstenberg: Kulturstiftung Sibirien, 2013. – Pp. 195–218.
23. Rießler, M., Wilbur, J. Documenting the endangered Kola Saami languages // [Bull T. / Kusmenko J. (Hg)]: Språk og språkforhold i Sapmi. – Berlin: Nordeuropa-Institut, 2007. – Pp. 39–82.
24. Sammallahti, P. The Saami Languages. An Introduction. – Karasjok: Davvi Girji, 1998. – 268 p.
25. Scheller, E. Situatsiya saamskikh yazykov v Rossii [Russian Sámi Language Situation] // Nauka i biznes na Murmane. – 2010. – № 2. – Pp. 15–27.

26. Scheller, E. Samisk språkrevitalisering i Ryssland – möjligheter och utmaningar // Norsk og finsk-ugrisk språkkontakt i Norge. NOA: norsk som andrespråk 1–2011. – Universitetet i Tromsø, 2011. – Pp. 86–118.

27. Scheller, E. Kola Sami Language Revitalisation – Opportunities and Challenges // L'Image Du Sápmi II: Études Comparées / Textes Réunis Par Kajsa Andersson, 16. Humanistica Oerebroensia. Artes et Linguae. Örebro: Örebro University, 2013. – Pp. 392–421.

28. Siegl, F. Ume Saami – The Forgotten Language // Études finno-ougriennes [En ligne]. – 2017. – Voul. 48.

29. Tereshkin, S. N. Iokangskii dialekt saamskogo yazyka: Diss. ... kand. filol. nauk [Yokanga dialect of Russian Sámi: PhD thesis]. – SPb., 2002. – 145 p.

30. Vakhtin, N. B. Yazyki narodov Severa v XX veke. Ocherki yazykovogo sdviga [Languages of Northern Peoples in 20th century]. – SPb.: Dmitrii Bulanin, 2001. – 338 p.

31. Vakhtin, N. B. Yazyki Sibiri i Severa. Materialy k uchebniku [Languages of North and Sibeia]. – SPb.: Nestor-Istoriya, 2016. – 48 p.

32. Vakhtin, N. B., Golovko, E. V. Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka: uchebnoe posobie [Sociolinguistics and Sociology of Language: student's handbook]. – SPb.: ITs «Gumanitarnaya Akademiya»; Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2004. – 336 p.

33. Vlachov, A. V. Yazykovaya situatsiya v komi-izhemskom soobshchestve Murmanskoi oblasti i ego yazykovaya politika [Language Situation and Language Policy of Komi-Izhma community of Murmansk Oblast]: Vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota magistra lingvistiki. SPbGU, 2012. – 55 p.

34. Zaikov, P. M. Babinskii dialekt saamskogo yazyka (fonologomorfologicheskoe issledovanie) [Phonomorphological study of Babin dialect of Russian Sámi]. – Petrozavodsk: Kareliya, 1987. – 201 p.